

УДК 93/94

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ СТУДЕНТОК ПЕТРОГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1918–1924 ГОДАХ

КУПРИЙ НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

Студентка

Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель: **Гаврилова Ольга Александровна**

к. и. н., доцент

Санкт-Петербургского государственного университета

Аннотация. В статье описываются особенности полового состава учащихся Петроградского университета в первые годы после октябрьского переворота 1917 г. В частности, речь идет о динамике численности студенток – новой категории учащихся, сложившейся в результате снятия ограничений для женщин на получение высшего образования. С опорой на данные дореволюционной высшей женской школы, а также на материалы такого массового источника, как личное студенческое дело, даны общие контуры социального портрета этой категории – тенденции социального происхождения и текущего статуса.

Ключевые слова: Петроградский университет, студентки, феминизация образования, советская реформа, высшая школа

THE NUMBER AND SOCIAL COMPOSITION OF FEMALE STUDENTS OF PETROGRAD UNIVERSITY IN 1918–1924

Kuprii Natalia Vladimirovna

Abstract. The article describes peculiarities of sex composition of students of the Petrograd University in the first years after the October revolution of 1917. In particular, we are talking about the dynamics of the number of female students, who presented a new category of students created by the eliminating of restrictions for women in higher education. Based on the data of the pre-revolutionary women's higher schools, as well as materials of such mass source as an individual's record student file, there is a try to give the general information about a social portrait of this category – some trends of social origin and current status.

Key words: Petrograd University, female students, feminization of education, Soviet reform, higher school

В 1918 г., когда обучение всех уровней официально стало смешанным [1, с. 530, 770], закончилась история высшей женской школы в России как особого образовательного и социокультурного пространства. Инкорпорация женщин в традиционно мужскую университетскую среду происходила в условиях гражданской войны и начала советской реформы высшей школы. Поколение женщин, оказавшихся тогда в университете, состояло из очень разных людей, среди которых были будущие известные деятели культуры и науки. Если рассматривать гуманитарный «цех», то, например, в Петроградском университете в эти годы училась дочь академика А.А. Шахматова С.А. Шахматова-Коплан, философ культуры О.М. Фрейденберг, историк интеллигенции В.Р. Лейкина-Свирская. Можно назвать и имена,

связанные с другими высшими учебными заведениями: в Институте истории искусств училась литературовед Л.Я. Гинзбург, в Казанском университете – историк-декабрист М.В. Нечкина. Их студенческий период был основой их профессионального пути, но личные документы даже многих известных героинь изучаются и вводятся в научный оборот лишь последнее время. Между тем, интересна в целом некая социокультурная группа учащихся, к которым они принадлежали, а также социальная история Петроградского университета, в период гражданской войны и первого мирного времени – эпизод, который сейчас переосмысливается и заново осваивается исследователями. Наконец, учитывая популярность гендерных исследований и т. н. женской истории, можно думать, что этот аспект истории высшей школы вполне заслуживает внимания. Он является и частью большой темы феминизации образования.

Исходным моментом в понимании масштабов влияния женщин на студенческое сообщество является представление о соотношении количества обучающихся женского и мужского пола.

В дореволюционной России существовала негосударственная высшая женская школа (преимущественно высшие женские курсы), которая не уступала университетам как по численности обучающихся, так и по уровню преподавания [2, с. 279]. Надо заметить, что высшая женская школа в России была ориентирована именно на университеты [2, с. 283]. Женщины стремились учиться в них: в качестве вольнослушательниц они появились в Петербургском университете еще в 50-х гг. XIX века, а после революции 1905–1907 гг. – во всех российских университетах, однако к 1917 г. среди студентов их было всего 4 %. При этом «мужские», то есть основные вузы в начале XX века испытывали недостаток мест для приема студентов, поэтому женские вузы открывали свои двери всем желающим [3, с. 317]. Действовали и изначально смешанные по составу вузы – например, Петербургская консерватория и Психоневрологический институт. Таким образом начиналась история высшего образования без различия пола.

Законодательно вопрос о предоставлении женщинам права на университетское образование был решен еще в 1917 г., когда прием фактически шел без ограничений, кроме образовательного ценза [4, с. 101]. Наконец, советские декреты отменили и это требование, началось слияние мужских и женских учебных заведений.

Девушки, поступавшие (или подававшие заявление о восстановлении после перерыва) в первые советские годы в Петроградский университет, часто уже имели высшее образование, начатое и не законченное в других вузах. Некоторые становились студентками Петроградского университета в связи с объединением под эгидой последнего II и III Петроградских университетов (бывшего Психоневрологического института и Бестужевских курсов соответственно). В промежуток после отмены полового ценза и до окончательного слияния высшей мужской и женской школ (т. е. в 1918–1919 гг.) женщины продолжали поступать в женские учебные заведения – например, на Высшие женские курсы. Так, в 1919 г., незадолго до объединения, в III Петроградский университет (ВЖК) поступала дочь академика А.А. Шахматова София [5]. Был ли подобный выбор сделан по традиции или из иных соображений, сказать сложно.

После вступления в силу декрета Совета народных комиссаров РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения» в Петроградский университет в 1918/1919 учебном году было вновь принято в осеннем семестре 3165 юношей и 868 девушек, всего 4033 человека [6]. Резкий рост численности женщин в университете можно было наблюдать на отдельных факультетах уже в приеме на 1917/18 учебный год. К примеру, в 1916 году юридический факультет принял 338 студентов и 1 студентку, в 1917 году – 640 юношей и 54 девушки [7].

Отмена всех цензов для поступления в высшие учебные заведения, кроме возрастного (с 16 лет), привела к тому, что к лету 1919 г. в университете числилось уже около 20 тыс. учащихся, причем «среди них уже свыше 11 % составляли женщины», а к концу гражданской войны их доля составляла около 70 % [8, с. 48]. Нужно учитывать мобилизации мужского студенческого состава в годы гражданской войны и приток студенток в связи с объединением университета в 1919 году со II и III Петроградскими университетами.

Осенью 1919 г. в университет пришло более чем в два раза больше женщин, чем мужчин – 677 и

302 человека соответственно. Из студенческого состава, формально насчитывавшего в 1919 г. 7424 человек, по архивным данным, в 1919 г. фактически учебную деятельность вели 250–300 человек [9]. По данным же официальной статистики, на середину 1919/20 учебного года академическую активность проявляли 1689 студенток и 1388 студентов [10, с. 121]. Реальный состав Петроградского университета в 1918–1920 гг. представить трудно, но улавливается тенденция к преобладанию именно женщин среди учащихся – как вновь прибывших, так и продолжавших занятия.

На 1 января 1921 г. доля женщин среди учащихся составляла 52 %. При этом на факультете общественных наук (ФОН) было 60,1 % женщин (мужчин – 39,9 %), на физико-математическом факультете – обратное соотношение, 39 % женщин против 61 % мужчин. Если учитывать, что ФОН был наибольшим по численности студентов факультетом (5574 человек, или 55,5 % всех учащихся), то именно его студентки составляли значительную долю учащихся женщин в университете: 3349 студенток-фоновок составляли 33,3 % всего студенческого состава и 64 % всех студенток [11]. Аббревиатура ФОН в шутку расшифровывалась как «факультет ожидающих невест» [12, с. 75]: и потому, что студентов там было больше, и потому, что их «казалось много от непривычки» [13, с. 110]. Наименее «женским» был физико-математический факультет. Математик Е.С. Вентцель, учившаяся в университете в 1923–1929 гг., была одной из 5 девушек на своем курсе в 280 человек. «Математика считалась “сухим” предметом, а девушка, занявшаяся ею, – этаким выродком», но зато «вниманием, – пишет Е.С. Вентцель, – мы пользовались необычайным» [14, с. 19].

К началу 1922 г. учащихся женщин насчитывается 7764, мужчин – 2482 [15, с. 287]. В начале 1922/1923 учебного года в аудиториях появились первые выпускники и выпускницы рабфака и, по воспоминаниям, «в большом числе явились студентки. Коридор преобразился» [16, с. 68]. Ситуация по университетам всей страны складывалась следующим образом: в 1921/22 учебном году женщины составляли 56,6 % учащихся, в 1922/23 учебном году – 52 % [17, с. 54].

Так, за годы гражданской войны произошла феминизация студенческого состава Петроградского университета. Наряду с хозяйственными трудностями, структурными преобразованиями и начинавшейся идеологической перестройкой, высшая школа преобразилась и под женским «натиском». Для сравнения, в Казанском университете, по данным Г.Г. Амалиевой, проанализировавшей его студенческий состав в период 1917–1925 гг., в течение этого времени наблюдалось решительное преобладание студенток (64 %), особенно 1919–1921 гг. поступления. И именно женщины преобладали среди тех, кто не смог фактически заниматься [18, с. 20].

Первый прием рабочего факультета Петроградского университета (1919 г.), который позиционировался как равноправный с другими факультетом, состоял почти из равного количества студентов и студенток [19, с. 205]. На 1 января 1920 г. на рабочем факультете обучались 95 мужчин (55,2 %) и 77 женщин (44,8 %) [20]. В течение 1919/1920 уч. г. на рабфак шел постоянный прием абитуриентов, и к 1 сентября 1920 г. на нем числилось 366 рабфаковцев и 232 рабфаковки – то есть мужская часть составляла теперь почти две трети (61,2 %) [21, с. 99]. На протяжении ближайших трех лет, по подсчетам на середину учебного года, количество слушателей рабфака колебалось в пределах 53–56 %, а слушательниц – 43–46 % [20]. На 1 января 1922 г., по официальным данным, на рабфаке училось 1027 мужчин (58 %) и 737 женщин (42 %) [15, с. 287].

Социальный состав первых студенток Петроградского университета, о котором можно судить по содержанию личных студенческих дел, принципиально не отличался от состава высшей женской школы до революции. Основной контингент учащихся составляли девушки из семей петербургской интеллигенции, в которых высшее образование почиталось как традиция и атрибут социального престижа [22, с. 192]. Среднестатистическая сословная принадлежность была мещанской. Легко догадаться, что с отменой ограничений для еврейской молодежи в разы выросло ее присутствие в стенах университета – но и до 1917 г. еврейки были второй по численности группой после русских девушек в составе высшей женской школы [22, с. 199]. Часто встречающейся социальной «формулой» было сочетание трех параметров: холостое семейное положение («девица», «незамужняя»), мещанское сословие и еврейская («иудейская») национальность.

В анкетах студенток, претендовавших на получение государственной стипендии, часто указаны

данные не о сословии самой респондентки, а о сословии, чине или профессии ее отца: «дочь чиновника», «дочь личного гражданина», «дочь мещанина» и др. Обращает на себя внимание такой ответ, как «гражданка» или «гражданка СССР» – он не поощрялся проверяющими стипендиальной комиссии, о чем свидетельствует подчеркивание красным карандашом [23]. Эпизодическим вариантом ответа о сословии является ответ «интеллигентка». Встречаются и данные о дворянском происхождении (сокрытие подобного факта было трудным делом и, возможно, не всеми считалось необходимым).

Несмотря на политику социальной дискриминации в высшей школе, на протяжении 1920-х гг. доля выходцев из непролетарских слоев среди студентов оставалась значительной. Важно, что девушек среди студентов «мелкобуржуазного» происхождения, если объединить не-пролетариев в этой категории и говорить о ситуации в высшей школе по всей стране, было в два раза больше, чем юношей [24, с. 261].

Интересны данные академических и социальных «чисток» 1921–1922 гг. на рабфаке Петроградского университета. По заключению поверочной комиссии, в нем обнаружился наиболее высокий в сравнении с другими вузами процент лиц нефизического труда, а именно – обслуживающего персонала. Отсутствие физического (производственного) стажа было одной из причин исключения [25]. Доля «уборщиц, курьеров, буфетчиц» в составе слушателей рабочего факультета на конец 1922 г. составляла 26 %, и из них более половины – женщины [26].

Первое десятилетие советской власти осталось в памяти молодых людей временем веселым, но голодным и неустроенным. В годы гражданской войны внешний облик учащихся сильно изменился, исчезли даже половые различия в одежде. Кроме того, в новых условиях одежда стала опасным маркером социальной принадлежности, и ее внешняя яркость померкла [27, с. 113]. Студенты одевались плохо, ходили в военных шинелях, валенках, поношенной и самодельной обуви. Многие девушки носили туфли на веревочной подошве или вовсе мужские ботинки. Бывшая студентка факультета общественных наук Петроградского университета Е. Кудрявцева вспоминала: «Я не имела ни летнего, ни зимнего, ни осеннего пальто и здорово мерзла. Наши коммунары договорились с моряками, и те принесли грубошерстное одеяло, из которого я сшила себе пальто» [28, с. 243]. В ход шли занавески, шторы, платья шили из простынь, которые красили в темные цвета [29, с. 114]. Завершали образ студенток простые прически и отсутствие косметики.

В годы нэпа, когда положение студенчества относительно улучшилось, коридоры университета заиграли более яркими красками. Е.С. Вентцель, например, вспоминает, как по главному коридору в Здании Двенадцати коллегий «шли, нарядные и напудренные, белея носами, студентки-фоновки» [14, с. 18].

В объединенном университете студентки интеллигентского происхождения количественно преобладали над студентками-пролетарками. Но уже к 1923 г. «старый» (интеллигентский) и «новый» (рабоче-крестьянский) сегменты российского студенчества по численности были примерно равны [31, с. 229].

Список литературы

1. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. 1483 с.
2. Вахромеева О.Б. Российские университеты и высшее женское образование в России второй половины XIX – начала XX в. // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. М., 2009. С. 279–301.
3. Купайгородская А.П. Высшее женское образование в Санкт-Петербурге на рубеже XIX–XX веков – условия и факторы развития // Из истории русской интеллигенции: Сб. материалов и ст. к 100-летию со дня рождения В.Р. Лейкиной-Свирской / СПбИИ РАН; СПб. науч. общество историков и архивистов; отв. ред. Р.Ш. Ганелин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 302–321.
4. Вахромеева О.Б. Духовное пространство Университета: Высшие женские (Бестужевские) курсы 1878–1918 гг.: исследование и материалы. СПб.: Диада-СПб, 2003. 252 с.

5. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 3. Д. 1318. Л. 2.
6. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 130. Л. 54, 87.
7. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 130. Л. 40.
8. Аврус А.И. История российских университетов: Очерки / Московский общественный научный фонд. М., 2001. 85 с.
9. Единый университет, 1919–1920 // ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 191. Л. 71.
10. Высшие учебные заведения по данным на 1-е января 1920 года // Материалы по статистике Петрограда. Вып. 1. Пг., 1920. С. 121.
11. Единый университет, 1919–1920 // Ф. 2555. Оп. 1. Д. 191. Л. 95, 97.
12. Рабинович М.Б. Воспоминания долгой жизни. СПб.: Фонд регионального развития Санкт-Петербурга, 1996. 365 с.
13. Лихачев Д.С. Воспоминания. СПб.: Logos, 1995. 517 с.
14. Вентцель Е.С. Ленинградский университет в 20-х годах // Е.С. Вентцель – И. Грекова: К столетию со дня рождения. М.: Юность, 2007. С. 18–37.
15. Высшие учебные заведения Петрограда на 1-ое января 1922 г. // Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. Пг., 1922. С. 287.
16. Назаренко Я.А. Недавнее былое // На штурм науки. : Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета / ЛГУ; под общ. ред. В.В. Мавродина. Л., 1971. С. 65–70.
17. Высшие учебные заведения: Таблица 14. Средние и относительные величины // Сборник статистических сведений по Союзу С.С.Р. 1918–1923. М., 1924. С. 54.
18. Амалиева Г.Г. Личные дела студентов Казанского университета (1917–1925 гг.) как исторический источник. Автореф. к.и.н. Казань, 2006. 23 с.
19. Сведения о составе студентов Рабочего Факультета Петроградского Университета за 1919, 1920, 1921 и 1922 год // Ф. 4269. Оп. 2. Д. 6277. Л. 5.
20. Кривоноженко А.Ф. Петроградский университет в 1917–1922 гг. Дис. к.и.н. СПб., 2014. 262 с.
21. Рабочий факультет Петроградского Университета (На 1 сентября 1920 г.) // Материалы по статистике Петрограда. Вып. 2. Пг., 1920. С. 99.
22. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: Социально-историческая судьба / РАН, Ин-т истории. М.: РОССПЭН, 1999. 414 с.
23. Анкета // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 3. Д. 1092. Л. 13.
24. Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы / РАН, Ин-т истории. М.: Мир истории, 2003. 296 с.
25. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 257. Л. 230–230 об.
26. ЦГА СПб. Ф. 4269. Оп. 2. Д. 6277. Л. 4.
27. Лебина Н.Б. Оксфорд сиреневый и желтые ботиночки... // Родина. 1994. № 9. С. 112–134.
28. На переключке дружбы. Е. Кудрявцева (Ленинград), член студенческой коммуны «Октябрь» // На штурм науки : Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета / ЛГУ; под общ. ред. В.В. Мавродина. Л., 1971. С. 243.
29. Левина И.М. Первые советские искусствоведы // На штурм науки : Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета / ЛГУ; под общ. ред. В.В. Мавродина. Л., 1971. С. 110–128.
30. Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: НЛО, 2014. 630 с.